

Фото Виктории Винваг, 2020

Читайте все романы Сергея Федоранича:

Выжженная трава

Убийство министра

(роман вышел под названием «Вирус»)

Бог тебе судья

Третья сестра

*(роман вышел под псевдонимом Федор Анич
и под названием «Я сделаю это для нас»)*

Побочный эффект

*(роман вышел под псевдонимом Федор Анич
и в двух томах под названиями:
«Ты – моя причина жить...» и «Нет смысла без тебя»)*

СЕРГЕЙ ФЕДОРАНИЧ

ВЫЖЖЕННАЯ ТРАВА

Роман

Москва
T8RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ф33

Федоранич, С.

Ф33 Выжженная трава/ С. Федоранич. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 302 с.

ISBN 978-5-521-74186-1

Осторожно, вас записывают!

Телефонные разговоры, чаты в мессенджерах, переписка в соцсетях, личные контакты — ничего не утаить, любая информация может быть прослушана, записана и использована вполне законно. К этому почти все привыкли...

А что, если стереть границы времени и получить доступ к данным из прошлого или смоделировать будущее? Разработка талантливое программиста Романа Мангирова вот-вот увидит свет и сбор информации о человеке станет беспредельным...

Но спокойно творить Роману не дают: в дело влезают конкуренты, в офисе происходят диверсии, а телефонный звонок приводит героя в зал суда. Его показания настолько важны, что личные мотивы перевешивают банальную финансовую выгоду, и для устранения проблемы не остается ничего святого. Нескончаемую череду смертей можно остановить только если не думать о цене личной свободы. Но кто пожертвует всем и возьмет на себя такую ответственность? Принять решение нужно быстро, ведь пламя уже разгорелось и оставляет позади лишь поле выжженной травы.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74186-1

© Федоранич С., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

С Катей что-то не так. Я могу примерно представить, когда случилось то, что все изменило, но наверняка знать не могу. Она ничего не говорит, а узнать какими-то другими способами у меня не получается.

Когда задаю прямой вопрос, то получаю ответ: «Ничего». И все, никаких объяснений, переубеждений или намеков. Если у Кати и появилась от меня тайна, то она твердо решила ее хранить. А значит, добиться от нее раскрытия можно только тогда, когда она решит, что время пришло или обстоятельства теперь позволяют. Если Катя что-то вздумала, то не отступится до тех пор, пока дышит.

Я знаю ее со второго класса школы, где молодая и неопытная учительница посадила меня, забияку и троечника, рядом с Катей, точно такой же плетущейся в конце очереди за знаниями и прилежным поведением. Всем же хорошо известно, что трудных детей за одну парту сажают, только если нужно спалить школу. Но учительница, повторюсь, была совсем юной. Так началась дружба, которая длится до сих пор.

Я видел все самые важные ее периоды: открытия и разочарования в жизни, родителях, любви, увлечениях, поиски себя и осознание своей женственности, возвраты к идеалам, гонка за кумирами и бесконечные сомнения. Я все это видел и принимал ее такой, какой она была: упертой и справедливой до кончиков волос. И никогда за все эти годы я не воспринимал ее ни как парня-друга, ни как потенциальную невесту. Наши отношения всегда были выше этих ярлыков. И у нас не было друг от друга секретов. Вполне справедливо сказать, что Катя тоже видела и хорошо знала все мои «периоды» (хотя мне кажется, что у парней все происходит гораздо менее заметно, чем у девчонок).

Конечно, были и есть разные периоды и события в жизни, которые мы оставляли при себе, но это никак не влияло на нашу дружбу. Мы прекрасно понимали, что между нами останутся пробелы, и это нормально, это вызвано именно тем, что мы разнополые, а не тем, что не хватает кредита доверия.

Ее первого бойфренда, Мишу Стрелькова, я избил, за что попал на карандаш в детской комнате милиции, и меня строго отчитала грудастая инспекторша, у которой были слишком намажены губы. Я до сих пор помню жирный блеск ярко-алой помады, растекшейся по морщинкам вокруг губ. Они снились мне и порой делали диаметрально разные вещи — я просыпался то в ужасе от их намерения меня сожрать, то возбужденный от увиденных сцен, на какие не хватило бы фантазии даже у Тинто Брасса.

Тот период, когда я вмазал Катину парню, был у меня сложным. Я кидался с кулаками на всех, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Только Катя могла управлять моим поведением. Мы поговорили и пришли к выводу, что я не должен ломать носы ее парням (даже если они ее обидели), потому что ей нужно учиться защищаться, а мне — держать себя в руках.

Ее первые и болезненные отношения я запомнил очень хорошо, потому что ни на что другое меня просто не хватало: разбитый нос Миши

преследовал меня несколько недель, пока родители пытались утрясти ситуацию, а я — сдержаться и не расквасить ему повторно. Я ходил на профилактические беседы, разговаривал с алыми губами, стараясь не пилиться на сиськи, и всегда выходил с рюкзаком возле ширинки, потому что там позорно топорщилось. Не помню точно, когда перестал стесняться стояка, — наверное, классе в одиннадцатом, когда окончательно принял свою мужскую природу и перестал считать член незрелым. В этом, кстати, помогла Катя. Мы не обсуждали мой член явно, но мне пришлось поделиться сомнениями по поводу «легальности» эрекции у подростка. Я почему-то считал, что до момента, пока я не стану совсем взрослым, пенис не имеет права эрегировать, и он и не эрегирует вовсе — это так, баловство. Катя же ответила, что, по ее мнению, если это происходит, значит, так надо. И мне почему-то это стало и понятно, и приятно, хотя Катя не сказала ничего такого, о чем бы я не мог догадаться сам. Она с таким же успехом могла сказать, что если рука болит, значит, так надо. Уже тогда, в школе, ее мнение было важнее моего собственного, моих сомнений, и я не замечал, как подсаживаюсь на Катину логику, стараясь найти в ее рассуждениях ответы на мучавшие вопросы.

Наша дружба пережила три важнейших этапа, которые сближали нас самыми неочевидными путями. Мы не ругались, нет! Просто в какой-то момент обоюднo приходили к мнению, что дружба исчерпана, а нам больше нечего друг другу сказать. Мы заканчивали фразы друг за другом; не сговариваясь, встречались в нашем месте в парке, когда оба должны быть на занятиях в школе; учили одинаковые билеты и читали одни и те же книги. Тогда мы еще не понимали, что в такие моменты становились практически идентичными, но нас это пугало и отталкивало, потому что в наших отношениях важным и необходимым было совершенствование друг друга, привнесение чего-то нового в жизнь каждого. Но вместо того, чтобы оттолкнуться, мы каким-то образом

умудрялись снять идеально сглаженный пласт, которым соединились, оставив вновь шершавую поверхность, и принимались шлифовать ее, чтобы снова сблизиться.

Первый такой этап был как раз тогда, когда Миша, первый бойфренд Кати, решил помять наливающиеся сиськи Камиллы - девчонки на два класса младше его (чертов педофил), а я это увидел и позвал его покурить в туалет. Там я ему и расквасил нос, а потом случились алые губы и наш с Катей разговор, который поставил точку в определении границ, когда дело касается отношений с другими. До этой ситуации и я, и Катя считали себя вправе раздавать рекомендации и даже запрещать дружбу и влюбленности друг друга, полагая, что со стороны виднее. В этих рассуждениях, конечно, было много подростковой логики, которую не перешибить аргументом. Дружащие девчонки, сталкиваясь с такой проблемой, становились вражинами, волосы летели ключьями, пуговицы с блуз — горстями. Парни дрались до кровавых соплей, отстаивая суверенитет и право выбора. А мы с Катей, дав друг другу отдышаться от ситуации, встретились в нашем месте и решили, что в столь деликатном деле отныне будем только советовать, но не вмешиваться.

Спустя несколько лет мы впервые вдруг осознали, что взрослеем вместе. Это выражалось главным образом в том, что мы критикуем людей, которые вокруг нас, только лишь потому, что они не такие, как мы.

Их не интересуют наши музыкальные группы (даже те, от которых мы тащились сильнее всего!), они не любят гулять по городу, не читают книг в библиотеке. Нас это удивляло! Мы с Катей за одну весну прошли все ВУЗы, в которых были интересующие нас кафедры, собрали толстенные пачки листовок, списков документов для поступления и замечток с впечатлениями об университетах и общагах. Мне казалось, что мы идеально друг друга понимаем и ни в коем случае не собираемся рас-